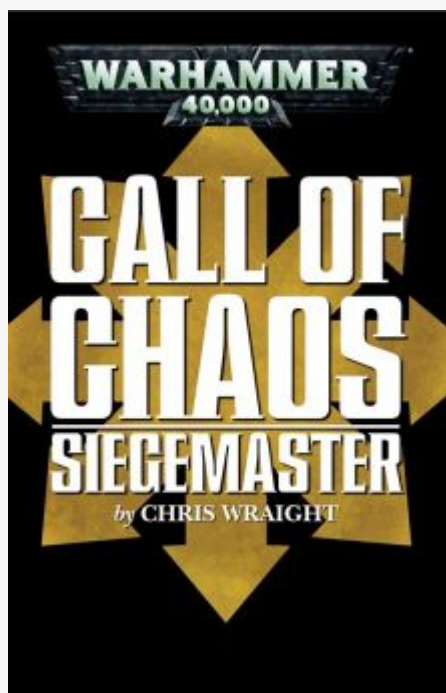

Осадный мастер / Siegemaster (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Осадный мастер / Siegemaster
(рассказ)*

Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Культпросвет
Издательство	Black Library
Серия книг	Зов Хаоса / Call of Chaos
Предыдущая книга	Шакал / Jackalwolf
Следующая книга	Черное железо / Black Iron
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Я вижу следы его работы даже из космоса, задолго до того, как «Тацит» достигнет точки высадки. У меня есть время хорошо изучить их, прокручивая размытые изображения на дисплее. Увиденное вновь разжигает мой гнев, остывший за долгий месяц, проведенный в пути от Предела Скроу до Харрора.

Такая растрата ресурсов разозлила меня. Раньше, пока Легион ещё не разломал себя на части, это не сильно меня заботило, но теперь каждая годная заклёпка стала на вес золота.

В нашей последней беседе, мы как раз горевали по этому поводу. Мы вспоминали наши деньки в Стор-Безашх, где мы распорядились теми бесподобными чудищами, теми машинами, восхитительной и ужасающей мощи. Тогда Стор-Безашх действительно было братством. Мы были свидетелями, как наши инструменты разрушения извергают своё содержимое на проклятые врата Дорновой работы.

А теперь мы грызёмся за тупые клинки, и замечая ржавчину на них, делаем вид что так оно и было. Это давно злило меня. Но когда я увидел, что Карр сделал на Харроваре, мои глаза потемнели от ярости.

Команда мостика избегает моего взгляда. Они шуршат и щёлкают в своих управляющих колодцах, подготавливая посадочный челнок. Я снова смотрю на мир, к которому мой брат отправился восемь терранских лет назад, и шепчу ругательство, которое он нашёл бы весьма болезненным: «Ты бесполезно потратил себя».

- Кузнец войны Бакулос, - слышался голос раба-дрона.

Я не смотрю на это существо из железа и натянутой кожи, его вмешательство означает, что всё готово к посадке. С шипением систем доспеха я поднимаюсь с трона, и протягиваю руки к шлему. Платина минувших войн, на нём, толста как и ржавчина.

Как только я зашагал с мостика за мной выступила свита - трое моих братьев, облаченных в тёмное железо с жёлтыми полосами, на их угловатых наплечниках красуется эмблема моей банды - Труподавов.

Сотни лет я не видел их настоящих лиц, а они моего. Наша кожа срослась с доспехами - союз тела и керамики, с которым наш Отец баловался некоторое время, пока ещё обладал склонностью к изобретательству.

Моя цель хорошо спрятала своё местонахождение, но не следы своего присутствия. Пока челнок пробивается сквозь загрязнённую атмосферу Харровара, я гляжу на поверхность, и вижу широкие сети рубцов пересекающиеся друг с другом, и образующие гигантские сети, и сети помельче внутри них. Земля взбита миллиардом подошв, она была обожжена и высушена, пока не стала черной и блестящей как каменный уголь.

Мы совершили посадку в пятидесяти километрах к юго-западу от главного фронта, или как мне подсказал тактический канал - девятнадцатого наступательного плацдарма на основной континентальной плите. Вокруг нас сквозь грязную плёнку отравленной атмосферы вырисовываются различные сооружения. Я вижу покрытые переплетениями труб перерабатывающие заводы, изрыгающие из высоких градирен болезненно мерцающий химический дым, вижу заводы по производству боеприпасов, фабрики по пошиву униформы, вместительные жилые блоки. Очевидно, что это его рук дело, так строили на древней Олимпии, имперцы сочли бы такую предусмотрительность и запасливость избыточной.

Издали слышится низкий гул артиллерийских орудий, стреляющих с синхронностью метронома. Я узнаю их по звуку - это осадные "молотильщики" модели "Крёгер", пушки огромного калибра, передвигаемые по рельсам с девятиметровой ширины колеёй, способные сравнять с землёй любые стены, дай только времени. Время у него было. И он закопал его в землю.

Его люди пришли засвидетельствовать почтение, сжав кулаки в осторожном приветствии. Перед посадочной площадкой выстроилась линия из двух сотен оробевших солдат, облачённых в тёмно-серые

плащи поверх тяжелых доспехов. Эти люди в скверном состоянии.

Комендант преклонил колени, ожидая, пока я подойду и приму доклад. Когда он поднялся, я увидел на его нагруднике эмблему Труподавов – безглазый череп, напоминающий каплю расплавленного металла. Его собственные глаза тоже отсутствуют, их заменили парой дальномерных прицелов для пушек, немного раскосые и придающие человеку нелепый вид.

- Кузнец войны, – произнёс человек.

- Где он? – спрашиваю я.

- На фронте, господин.

- На каком?

Это его явно озадачило.

- Дай мне координаты, – надавливаю я.

- Вы хотите посмотреть на войну?

До меня доходит, что этот человек лишён настоящего разума. Его отняли, возможно сам Карр. Вся шеренга бойцов тупо уставилась на меня. У них я ничего не узнаю.

Один из моих бойцов направил болтер на офицера, но я подаю знак опустить оружие.

- Покажи мне.

Человек ухмыляется и кивает.

Добраться до переднего края системы укреплений, займёт пойти час. Мы едем в колонне покрытых чёрной пылью бронированных краулеров, с гусеницами пяти метров в высоту. Протиснувшись в десантный отсек, я вспоминаю чёрные пески другой планеты, где всё это началось для нас.

Тогда Карр стоял рядом, был моим заместителем, жаждал действий, отличных от гарнизонной службы или пробивания стен. Надевая шлем, он улыбался, выглядя алчным, словно голодающий ребенок.

- Нам придётся по вкусу эта новая война, – сказал он тогда. Я же не был в этом так уверен.

- Они тоже были нам братьями.

Его шлем водрузился на голову, зашипели герметизирующие клапаны и ко мне повернулась безликая серебристая маска на чёрном железе.

- Нет. Они никогда ими не были.

Сейчас же я сижу согнувшись в тесном отсеке, предназначенном для смертных, вдыхаю чад мотора и пахнущий страхом пот своих попутчиков. Возможно, Карр всё ещё носит тот самый шлем, потрёпанный за тысячелетия. По крайней мере, он был в нём, когда я видел его в Пределе Скроу, и переливающиеся разными цветами небеса Ока отражались в глазных линзах.

Пока мы едем, доспех рассказывает, что происходит снаружи краулера. Движение по дорогам очень слабое. Мы обгоняем другой конвой, ползущий на север, и я чувствую вонь прометия. Пейзаж за

бронестеклом купается в грязных тенях от окутанного смогом солнца, холодного как остывший пепел в кузнице.

Мы прибыли, и офицер засуетился. Задняя дверь краулера с визгом откидывается на проржавевших петлях, и я выбираюсь наружу.

- УР-67, - сообщает он мне, указывая рукой на север, против острого, обдирающего ветра.

Я вижу сотни линий окопов, расходящиеся от меня по равнине покрытой камнями и ржавчиной. В них копошатся люди. Выпуская клубы дыма, между линиями ползут боевые машины. Горизонт разделяют чёрные полосы стволов артиллерийских орудий, увенчанных зубастыми пастями. Сотрясая землю они открывают огонь, и скрываются из вида за лавинами дыма. Далеко, настолько далеко, что даже моим глазам сложно разглядеть, за стенами укрылся Враг. В одно мгновение я подмечаю все детали высоких бастионов, украшенных готическими зубцами. За стенами виднеются пронзающие небесную мглу шпили, они тоже извергают дым. Несмотря на разрушения, на стенах до сих пор висят имперские аквилы. Один только этот УР-67 может скрывать в себе миллион защитников.

- Как долго вы тут воюете? - спрашиваю я своего провожатого.

Он не слышит меня. С увлеченным видом он следит за летящими по дуге снарядами. В его тусклых линзах ничего не отражается.

- УР-67, - снова произносит он.

Я отворачиваюсь от него. Хлюпая по серой грязи, моя свита спускается вниз по склону к первой линии окопов, пытаюсь найти что-нибудь представляющее интерес.

С такого расстояния Враги не смогут нам навредить, но они всё равно тут. Я начинаю видеть что-то притягательное в очищенной от цвета панораме под низким небом. По безлюдной, усеянной обломками, нейтральной полосе простираются руины, обглоданные до скелетов из горелого адамантия. Карр обустроил мир-гробницу, но её обитатели пока не умерли.

Вернулся Шохваз, мой лейтенант. Поклонившись он подаёт мне заляпанный грязью, но исправный инфопланшет.

- Его? - спрашиваю я.

Шохваз кивает и активирует энергоячейку. На экране я вижу карты, чертежи зданий, какие-то логистические списки. Значит он недавно строил к северо-востоку отсюда, направляясь к полярной зоне. Также я вижу что есть и другие крепости, возможно также ещё защищаемые.

- Он ушёл туда.

Шохваз ничего не отвечает. Всё это ему отвратительно, и он с радостью смотрел бы, как Харрवार разрушают с орбиты. Сейчас такое сложно сделать, слишком дорого для Легиона, истощенного враждой бесчисленный фракций. Но так или иначе с этим нужно разобраться. Я не буду пытаться убедить его в правильности моих действий, он всё равно не слушается меня. Ещё не все отбросы из Стор-Безашх сгнули, а мы всегда были самыми дисциплинированными.

Я поворачиваюсь к коменданту.

- Мы заберём твой транспорт.

Человек не слышит. Он смотрит на город, который не может уничтожить. Смотрит как орудия готовятся к новому залпу, их глас стал биением сердца этого мира: размеренным, бесконечным. Его рот открыт. Бледно серая кожа на лице покрыта язвами. Скоро он умрёт, а город будет стоять.

- На север, - говорю я Шохвазу, чувствуя что его отвращение передаётся ко мне.

Я вспоминаю Гуганн. Это была хорошая битва. Наконец-то нам дали врага, которого мы могли забить и растоптать, а не брать приступом и расстреливать издалека. Весь Легион спустился на планету, высаживая гранд-батальоны с низкой орбиты волна за волной. Владыка Железа проводил варп-переходы составляя планы и собирая нас вместе с отдаленных гарнизонов. Мы ударили по ксеносам жёстко, затем ещё жёстче, потом ещё и ещё, никогда не давая им передышки.

Отец сказал нам: «Задуйте их!», и мы знали чего он от нас хочет. Мы били их, не позволяя перевести дыхания. Когда наши пальцы сжались на их горле, мы сдавили со всей силой. Было приятно смотреть как они задыхаются и дёргаются. Наше осадное братство прихватило с собой свои землеройные машины, и мы пробили потолки вражеских туннелей, вгрызаясь в сырую землю, и выбрасывая за собой потоки кровавой грязи.

Тогда я ещё не знал Карра по имени. Мы служили в разных подразделениях большого Легиона, и только Исстван сделает нас полноценными боевыми братьями. Но именно на Гуганне я впервые увидел его. Я гнал свои тяжёлые орудия в сердце пещер, не останавливаясь даже когда земля раскалывалась и проваливалась вокруг нас. Мы жестоко загоняли команды рабов, тащивших повозки на длинных железных цепях, и они тащили, пока мышцы не отделялись от костей.

Мы заняли позиции на возвышенности в одной из центральных пещер, где ксеносы собирались чтобы дать бой. Следуя приказам я обустроивал огневые точки, дабы прикрыть наступление, направляя огонь орудий так, чтобы разрывы сеяли опустошения ещё до того как пехота доберется до врага. Я ещё не успел закончить свои приготовления, как увидел другое подразделение Легиона, вырвавшееся с левого фланга, пробив земляные стены. И они тоже тащили пушки. Они сделали что-то с рабами, довели их до безумия, накололи их стимуляторами, чем-то запрещённым. И те тащили повозки с орудиями так, словно были животными, бегущими от лесного пожара. Выскочив перед нами, они первыми открыли огонь, заполнив пространство яростным пламенем.

Я должен был быть в ярости, но вместо этого я был заинтригован. Я прошёл вперёд, увеличив изображение поля боя линзами шлема, выискивая воина, командующего тем отрядом. Он был во главе батареи, размахивая цепным мечом и громко рыча сквозь решётку шлема.

Ему не терпелось убивать. Это было не то, чем мы были знамениты, ни тогда ни сейчас. Мы методично и стоически крушили чужую волю. Мы стояли спокойно как скот, когда наш Отец проводил Децимацию, скованные приказами и своими невозмутимыми душами.

Я связался с ним по воксу, приказав ему отступить, пока мои собственные пушки не распылили его отряд.

- Если угонишься за нами, мы это заслужили! - захохотал он в ответ.

«Если угонишься за нами». Мне не удалось. Никогда не удавалось. Не думаю что и сейчас стал ближе.

Мы едем дальше и выше, и климат меняется, сжимая нас ледяными объятиями, и заставляя краулер натужно тарыхтеть. Нас только четверо — я и моя свита, мы можем терпеть холод но машина справляется с трудом. Небеса потемнели ещё сильнее, погружаясь в полночную синеву. Лёд ползёт по

голой скале, цепляясь алмазными пальцами за трещины и расселины.

Мы следуем дальше на север, петляя среди отвесных склонов по горным перевалам. Я вижу как уже под нами формируются облака, гружённые серым снегом. Бронестекло окончательно покрывается льдом и становится непрозрачным, а по панцирям наших доспехов расползается белый глянец изморози.

Преодолеть горы заняло два стандартных дня, в течении которых мы словно огромное металлическое насекомое ползали по заполненным валунами ущельям. На обратной стороне хребта наше продвижение замедлилось, морены замороженного ила и щебня заклинивали гусеницы и забивали воздушные фильтры. Я мог вызвать челнок, но Карр бы его засёк. В любом случае мы всегда предпочитали такой путь — размалывая землю, приближаясь к цели с каждым тактом двигателя.

Мы спустились достаточно низко, чтобы авгуры краулера снова заработали. Дорога привела нас в опустошённую ветрами тундру. В небе реют атмосферные сияния - полотна ярко-зеленых ионизированных частиц над железно-чёрным горизонтом.

Снова показались линии окопов. Не знаю, как удалось это проделать - грунт твёрд как алмаз, воздух разрежен и смертельно холоден. И всё же тундра покрыта узорами прогрызенных в земле траншей и заляпана топливом и маслом. Я вижу солдат, сначала десятки, потом сотни. Они кутаются в свои серые шинели, сбившись вокруг костров, дрожат даже суетясь в артиллерийских капонирах.

Со скрипом краулер остановился, дух машины в нём завизжал, и мы бросили его. Я привык к тому, что людишки трепещут передо мной, видя меня как железного бога, которого следует бояться и ненавидеть, но здешние солдаты забиты до бесчувственности. Они пьются на нас, и шарахаются, но не бегут. Настолько их запугало и подчинило старое начальство. Все они также носят метки Карра — геральдику Труподавов, и также осаждают город, который уже давно должен был пасть. Я смотрю на северо-запад и вижу шпиль, похожие на обугленные рёбра, выпирающие из ледяного панциря. Вызывающе живые.

Я нашёл командующего этой армией. Заточённый в бункере из скалобетона в сердце этого траншейного города, он стоит согнувшись над кучей ветхих карт. Комната в бункере тесна, особенно с гостями сверхчеловеческого размера. Стены покрыта замороженной плесенью, люмены в плафонах бледно мерцают. Командующий, худой человек, одетый в поношенную форму и плащ, видя как я вхожу вытягивается в струнку, в его голубых глазах дрожит страх. Ну хоть кто-то тут боится меня.

- Я ищу Карра, - говорю я

Что-то мелькнуло на его лице. Может злость? Но он моментально взял себя в руки.

- Главнокомандующий на фронте.

- Их больше одного.

- Да. И они расширяются, - с усталой улыбкой отвечает он.

Я подхожу к столу с картами, вижу полную картину бескрайних осадных работ, проводимых Карром, и не верю своим глазам. Он был в Стор-Безашхе, он знает своё дело, и всё же, это сделал он.

- Как долго вы воюете?

- Три года при УР-43, и еще два здесь.

Я касаюсь рукой точки на карте, и гнилая бумага рвётся под моим пальцем.

- Вы заканчиваете осаду?

- Город скоро падёт. Нам обещали больше пушек...

- У тебя уже много пушек.

- ... и людей. Они тут быстро умирают. Мне обещали ещё двести тысяч, но пока задерживают... В горах...

Он замолкает. Похоже он вообще не помнит почему их тут нет. Я теряю терпение и хватаю его за горло. Глаза человечка широко раскрываются, но он не сопротивляется, а висит в моей хватке как выпотрошенная рыба.

- У вас было восемь лет, - прошипел я. - Сколько шпилей уже пало?

Он не отвечает. Потому что не знает. До меня доходит что тут он и родился, выполз из рабского загона, вместе с миллионами других крепостных Карра. Этот мир и есть для них вся вселенная. Думаю, что они понятия не имеют, почему идёт война.

- Где Карр? - это всё что мне нужно знать.

- Север. Полярные станции, - хрипит он в ответ.

Стоило этого ожидать. Встреча будет на вершине мира, в окружении завывающих пустошей.

Я разжимаю хватку, и он падает на колени, жадно втягивая воздух. Поворачиваюсь к Шохвазу, и машу рукой в сторону двери.

- Опять на север.

Однажды мы были чем-то большим, нежели мелкими бандами. Мы были собраны в одну из величайших армий в истории нашего вида. На сборе, перед отбытием с Олимпии, наши батальоны заполнили парадные площади перед Господскими Палатами в Лохосе. Шеренга за шеренгой неподвижно стояла на фоне серого рассветного неба. Впоследствии Крестовый поход разметал нас по галактике, но когда случалось нам собраться вновь, мы были среди самых могучих, самых непоколебимых, самых стойких.

Ни один легион не сломил нас. Мы сделали это сами. Воистину, мы пережили неразбериху распада Осады, остались вместе, сохранили дисциплину. Мы остались достаточно сильными что встретиться лицом к лицу с Дорном на Себастусе IV, и это была великая победа, чтобы там не понаписали лжецы на Терре. Мы стояли, пока примархи лоялистов не исчезнут один за другим, а наш нет.

Я не знаю, что вызвало сумасшествие на Медренгарде. Никто, из переживших это, не знает. Некоторые шепчутся, что сам Пертурабо это спровоцировал, но сам я в это не верю. Если же я ошибаюсь, и это было его планом провести вторую Децимацию, тогда это был полный провал, потому что всё рухнуло: наша сила, наше единство исчезли за столетие непрерывного безумия.

Сам я довольно поздно прибыл на Медренгард со своей гранд-ротой, и не застал начало кровопролития. Я надеялся что слухи лживы, или что смогу остановить творившееся. Надежды эти были наивны, с нами игрались слишком великие силы.

Нас обстреляли ещё до того как мы приблизились к планете. Другие флоты набросились на нас, как

стали хищников. Тацит был тогда одним из моих малых кораблей, но когда взорвались реакторы Крастуса, именно на нём мы нашли спасение вместо смерти среди перекрученного металла. Открыв огонь из макропушек в ответ, мы снова стали убивать себе подобных, но на этот раз уже собственных генетических братьев.

Мы выскользнули из пустотной бойни, и неслись впереди стаи охотников, пока на авгурах не показалось чёрное солнце и бледный мир, вращающийся вокруг него, не проплыл под нами. Комм-линии разрывались от входящих сообщений: формировались новые альянсы, заключались сделки. Мы слышали названия новых банд, многие были взяты из старых прозвищ времён Крестового похода. И эти банды уже разделялись или преобразовывались в новые, бурлили как расплавленный металл на наковальне.

Когда-то давно, презиравшие наш путь войны, называли нас «труподавами», и в ярости и отчаянии мы снова взяли себе это имя. Мы возвели на Медренгарде свою собственную башню, оцетинившуюся пушками, которыми мы когда то равняли стены Дохлого Императора, приняли участие в играх за власть над этим демоническим миром, и следили за нашим помешанным Отцом, неспособным или не желающим вмешаться, пойманном в ловушку непонятными никому обидами.

Там, впервые после Терры, я встретился с Карром. В тот день я вывел моих воинов на равнины потрескавшегося стекла, охотиться на демонов, которых мы связывали с нашими машинами. Не в первый и не последний раз мы были втянуты в бой с другими бандами. Небеса гудели криками нерожденных, молнии цвета потрохов хлестали по поверхности, и мы оказались окружены силами, в три раза превосходящими нас по численности. Я решил, что скоро смерть заберёт меня, и проклиная души вероломных врагов, я построил своих воинов для последнего боя. На губах я чувствовал горький вкус поражения.

Но и в этом меня обманули. В бесконечной круговерти этих бессмысленных войн мы были не одни. Воины старого Легиона неожиданно вырвались из тумана, рассеяв вражеское оцепление. И тогда началась настоящая битва, такая же тяжёлая, как и все, что мы пережили в прошлом. Я потерял своих старых товарищей, но нашёл новых, нам помог Карр, узнав кто мы. Он сражался как полубог, пробиваясь через шеренги воинов, бешено вращая цепным мечом.

Мы объединили свои силы в сердце сражения, и тогда я понял, что мы победим, и что я ещё увижу восходы чёрного солнца Медренгарда.

Кузнец войны. - приветствовал меня он, опустив окровавленный меч.

- Почему? - спросил я.

- Мы мастера осады. Есть и другие миры, которые нужно завоевать.

И мы снова сражались, вырывая сердце своего собственного Легиона, вычищая слабых и неудачливых.

Он был прав. Со временем мы нашли другие миры, которые растоптали, выбивая надежду на слабеющий Имперуум, но с тех пор наши отношения были натянуты. Жизненный долг довлел на моих плечах, и когда пришло время, я отослал его на самостоятельные задания. Так, на расстоянии друг от друга, мы ладили довольно долго. Пока он не затих на Харроваре.

Впервые на этом проклятом мире, я засекаю воинов своего рода, не считая собственной свиты. Они тоже меня обнаружили, и задолго до того, судя по показаниям датчиков, как мы доберемся до цели, они нас встретят. Пошёл сильный снегопад, хлеставший нас, будто демонические пальцы. С тех пор, как мы

оставили тяжелый транспорт позади, в тридцати километрах к югу отсюда, мы пробирались через сугробы по бёдра глубиной. Снег покрывает наши наплечники, тает от жара силовых ранцев и вода ручейками стекает вниз, оставляя дорожки там, где мы прошли.

Они показываются из вечной ночи, характерной для этой широты, их двенадцать, у всех болтеры. Как и у тех смертных, на их нагрудниках, где когда-то была старая аквила, блестит эмблема нашей банды, отлитая из расплавленного металла. Они не приветствуют нас. Моя свита поднимает собственное оружие, но я не двигаюсь.

Я их Кузнец войны. Я Кузнец войны Карра.

- Кузнец войны, - наконец произносит один из них. Его голос еле слышен из-за сильного мороза.

Забрало его шлема покрыто инеем, на поножах окровавленный лёд. Я узнаю его: это Скаррак, один из рождённых в лабораториях на Медренгарде, ещё до раскола. Всё это время он служил у Карра, как наверное и остальные.

- Ты знаешь зачем я здесь, - говорю я.

Скаррак кивает.

- Он знал, что однажды ты придёшь.

Я пытаюсь прикинуть кому они верны больше. С Карром они служили десятки лет.

- Расскажи мне о нем.

Казалось, что Скаррак сейчас ответит, но в следующее мгновение он передумал. Он подал знак, и болтеры опустились.

- Он ждет внутри, - говорит Скаррак, и отходит, открывая вид на сооружение, не видное за ним до того.

Проходит некоторое время, пока во мраке и валящим стеной снеге, я пытаюсь что-то разглядеть. И тут я понимаю свою ошибку: то что я принимал за небо, на самом деле отвесная стена цвета эбена, сливающаяся с чёрным небом под завесой шторма. Настроив режим зрения, я наконец различаю контрфорсы, восьмигранные башни, ворота и орудия. Более всего это похоже на башню примарха, на нашем родном мире, вонзившуюся в ледяной панцирь, словно брошенный кинжал.

Я пересекаю единственный мост, пересекающий пропасть, уходящую в вечную темноту. По моему приказу, Шохваз и остальные остаются у внутренних ворот, и в одиночестве я прохожу через тяжелые двери. Внутри только пустота и эхо, а холод такой, что пробирает даже через нагрудник. Я иду дальше, гремя ботинками по каменному полу. Я иду по галереям, пустым казематам, тихим залам. Наконец я спускаюсь в самый центр, в камеру вырубленную глубоко подо льдом, непроницаемую для внешнего мира.

Он здесь. Стоит во мраке, лицо скрыто под старым шлемом, в руке цепной меч. Гололитическое изображение Харрорава медленно вращается рядом с ним. В тени скрываются другие предметы: карты, вытравленные на бронзовых пластинах, чертежи, книги в кожаных переплётках, сложенные высокими кучами и медленно замерзающие до состояния ледяной каши.

- Рад встрече, Бакулос!

Его голос поменялся. Не просто от времени, оно влияет на всех нас. Звонкость пропала, голос стал сухим как растянутая кожа.

- Ты же знал, что я приду. Рано или поздно, но приду.

Я пока не тянусь к оружию, но твердо решил, что должен убить его. Мы никогда не дрались друг с другом, так что будет интересно поглядеть, кто из нас сильней.

- Нет, я подумывал уже, что ты про меня забыл, - сухо проговорил Карр. - Но мы же ничего не забываем, не так ли? Так что да, ты должен был прийти сюда, преследуя меня.

Я смотрю на гололит. На нём видны все осадные линии, опоясывающие полушарие, сжимающие в своей хватке скопления ульев и города-государства. Для обслуживания всего этого, он создал собственную империю, засасывая людей и материальные средства, и бросая их на стены, которые никак не упадут.

Посмотри на это, - сказал Карр. - Я всего лишь делаю то, чем мы всегда занимались.

- Тебе было приказано разрушить этот мир.

- Верно.

Карр прошаркал ближе ко мне, и я чувствую едкую смесь запахов машинных масел и его пота. Его броня намазана чем-то, возможно кровью, и блестит от холода.

- Ещё один камень в пустоте, разграбленный и выжатый досуха. Затем мы двигаемся дальше, а они возвращаются и отстраивают всё заново. И они, и мы становимся чуть слабее.

Он протягивает руку к гололиту и ведёт пальцем по линиям траншейных систем.

- Поэтому я остался верен тому, чем мы были раньше. Мы охраняли, мы присматривали. Наш Отец забыл об этом, и потерял рассудок. Нам не нужно было желать того, что было у других. Всё таки причина, по которой нам не доверяли, была.

Я не могу оторвать глаз от гололита. Карр не растерял своего мастерства, размещение всех элементов безупречно. Даже красиво.

- Ты мог завершить осаду за месяц, - говорю я.

- Но тогда бы всё это кончилось. Бакулос, посмотри на это, и скажи что это не совершенство. Мои подчинённые, приходят ко мне и говорят: «Когда же мы начнём атаку, господин?». А я пытаюсь им показать, объяснить что пока не всё готово, что нужно строить ещё. Мне иногда кажется что они это видят. Но некоторых нужно... исправить. Я пытаюсь научить их. Я говорю им: «Пока нет. Пока не всё готово». Думаю они уже начинают понимать.

Я смотрю на него. Зелёно свечение гололита омывает его потрёпанный шлем.

- Я пришёл покончить с этим, - говорю я.

Карр фыркает. Звук, исходящий из его вокс-решётки, лишён старого юмора.

- Или ты покончишь со мной. Вот что случится, ты думаешь?

Он подходит ко мне ещё ближе, и я слышу скрежет его обледеневшего респиратора.

- Узри наконец, Бакулос: это осада, которую никогда не закончат, никогда не снимут. Мы плодим свои армии, они плодят свои. И все эти души бесконечно страдают, замурованные в укреплениях, простирающихся от горизонта до горизонта. Я сотворил это. Это то, чего мы всегда хотели. И Око, наблюдая за этим, ликует - ведь нет ничего прекраснее.

Его рука всё также сжимает меч, а моя всё также пуста.

- Я пришёл дать тебе шанс, - говорю я.

- Нет. Ты пришёл посмотреть, чем я стал. Теперь ты увидел, что же будет дальше?

Через мгновение я двигаюсь - вбиваю кулак ему в горло. Он должен был ожидать моего удара, но всё равно это ошеломило его, и дало мне время достать болтер.

Я вижу его потрясение: Карр и впрямь думал, что сможет меня убедить. Приставив ствол к его шлему, я стреляю. Сталкиваясь с керамитом, реактивный снаряд детонирует, и опрокидывает его на пол. На мгновение я решил, что на этом всё. Но Карр вскакивает, его шлем расколот, зубцы меча взвизгивают, приходя в движение.

- Я создал совершенство! - рычит он, бросаясь на меня.

Отскакивая от него, я снова стреляю, но Карр уклоняется и бьёт меня клинком в шею. Я хватаю его за запястье, удерживая размывающиеся в движении зубцы меча в миллиметрах от своего горжета. Я чувствую силу Карра, его бешеное дыхание прерывисто и влажно.

Выронив болтер, освободившейся рукой я бью его, вколачивая кулак в линзы шлема. Он давит своим весом на меч, склоняя меня вниз, с отчаянием я бью снова и снова, сильнее и сильнее. Кровь застилает взор, и я чувствую, как кулак касается плоти.

Наконец цепной меч летит вниз, высекая пучки искр, рыча и кружась по полу. Карр падает, его лицо превратилось в кровавое месиво. Между потёками крови, виднеются куски старой, очень старой кожи, такой же серой как льды Харровара.

Уже уверившись, что Карр мёртв, внезапно я чувствую пустоту. Десять тысяч лет наши с ним судьбы танцевали рядом, время от времени пересекаясь, как сети окопов, что он тут накопал.

Я оглядываюсь на его работу, запечатлённую на зеленой полупрозрачной голо-проекции, и снова нахожу, насколько она безупречна. Две силы, запертые вместе, без надежды на освобождение, в созданном Карром искусственном равновесии. Может пройти вечность, пока все эти души будут медленно задыхаться. Так похоже на то, что нас заставляли делать во времена Крестового похода. Это так обижало нас. Чувство, что нас опозорили, подпитывало смену верности.

Я всего лишь делаю то, чем мы всегда занимались.

Я слышу шум за пределами комнаты. Входят Скаррак и Шохваз. Они смотрят на меня и на труп Карра, и я практически ощущаю робкую надежду Скаррака.

- Мы наконец атакуем, - сказал он, с облегчением. - Мы закончим это.

Я представляю, как по всему Харровару зазвучат эти слова, когда все узнают о произошедшем. Те, кто ещё сохранил разум, осознают, что этот кошмар может закончиться: города будут взяты штурмом, разбиты в пыль, и мы уйдём отсюда.

Я не могу оторвать глаз от гололита. Я не могу оторвать глаз от шедевра Карра, и впервые замечаю, что он всё же не завершён.

Шохваз делает шаг к генератору, питающему гололит. Он хочет отключить его.

- Отдать приказ? - рычит он. - Все силы готовы.

Я и без него знаю, что всё готово. Карр уже давно собрал всё, что нужно для штурма. Но штурм не был его целью.

В осадных линиях есть пробелы. Их нужно заполнить, потратив, конечно, на это время и ресурсы, и тогда картина станет полной.

Я чувствую их нетерпение. Они жаждут действовать. Поэтому я не смотрю на них, когда говорю. В уме я прикидываю, что буду делать сначала. Как же давно я этим не занимался. Для Карра всё начиналось так же?

- Пока нет, - говорю я.

Когда мы закончим, оно станет по настоящему прекрасным. Я уже знаю, где начнём копать.

- Пока не всё готово.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Осадный_мастер/_Siegemaster_\(рассказ\)&oldid=7015](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Осадный_мастер/_Siegemaster_(рассказ)&oldid=7015)

Эта страница в последний раз была отредактирована 25 октября 2019 в 19:09.